

Михаил Михайлович ЧОРЕФ —
соискатель кафедры археологии,
истории древнего мира и средних веков
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета
choref@ukr.net

УДК 902.9+902.6:737(477.75)=737(477.75)

ПОЗДНЕЙШИЕ ЭМИССИИ ХЕРСОНА, ИЛИ К АТРИБУЦИИ МОНЕТ С МОНОГРАММОЙ «ΡΩ»

LATEST CHERSONESE EMISSION OR COIN ATTRIBUTION WITH THE MONOGRAM «ΡΩ»

АННОТАЦИЯ. Монеты с монограммой «Ρω» были обнаружены более двух веков назад. Проблема их определения привлекала несколько поколений нумизматов. Однако за многовековой период исследования так и не была выработана общепринятая теория их датирования. Мало того, все эти гипотезы были не единожды опровергнуты оппонентами. В сложившейся ситуации считаем допустимым вынести на научное обсуждение нашу точку зрения на вопрос датировки монет с «Ρω». Предполагаем, что первая их разновидность — с монограммой *ῥόλις* Χερσῶνος на реверсе поступила в обращение в конце XI в., а последняя — без изображения на реверсе выпускалась до конца XIV века.

SUMMARY. Coins with the monogram «Ρω» were found more than two centuries ago. The problem of their attribution attracted several generations of numismatists. However during the centuries-old period of research the standard theory of their dating has not been developed. Besides, all these hypotheses have not been once denied by the opponents. In the given circumstances we consider it acceptable to bring up for scientific discussion our point of view on a question of dating the coins with «Ρω». We assume that their first version — with the monogram *ῥόλις* Χερσῶνος on the reverse side began to be used at the end of XI c., and the last version — without the image on the reverse side was issued till the end of XIV c.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Монетное дело, средневековый Крым, византийский Херсонес, монограмма «Ρω».

KEY WORDS. Monetary business, Medieval Crimea, Byzantine Chersonese, monogram «Ρω».

Уже первые жители Севастополя находили в окрестностях города литые бронзовые монеты с хорошо заметными монограммами *ῥ* или *ῥ*, или, как тогда считали, с «оттиском якоря» [1; 49]. Со временем часть находок попала в частные собрания и стала доступной для изучения. Первым попытался определить эти монеты Г.К.Е. Келлер. Исследователь предположил, что аббревиатуры *ῥ* и *ῥ* следует читать как «Ρω». Он допустил, что в них было зашифровано слово *Ῥώμα* — «Рим». По мнению ученого, они являлись метками Константинопольского монетного двора [2; I, I, 21]. Хотя с предложенным Г.К.Е. Келлером прочтением аббревиатур согласно большинство нумизматов-византинистов, его гипотеза о локализации центра выпуска этих бронз не прижилась. И уже Н.Н. Мурзакевич отнес монеты с «Ρω» к эмиссиям «Нового Херсонеса» [3; 7, № 10, 1, 3]. К сожалению, ученый их не датировал. Выводы Н.Н. Мурзакевича были уточнены Б.В. Кене и П.Ю. Сабатье, выделившими эти бронзы в херсонские эмиссии Романа I Лакапина (920–944) [4; 125, № 4–6, XLVI, 7–9]. Исследователи считали, что монограммы *ῥ* и *ῥ* являются со-

кращением имени правителя, данном случае Ρωμανός , «Роман» [5; VII, 15; 6; I, 1, 231; 7; I, 1, 53; II, 125]. Эта теория была принята научным сообществом и до сих пор признается большинством специалистов [8; VII, 15; 9; I, 303-304, 1-2; 10; III, II, 570-572, 32a.1, 32a.2, 32b.1, 33.2, 34.1, 34.2; 11; II, 457, LII, 13]. Тогда же были выделены две разновидности монограмм «Рω». На аверсе части серий (Л) «Ω» передана как сектор окружности, пересекаемый вертикальной осью «Р» (рис. 2,1), а на других (Л) она выписана как два полукруга (рис. 2,2). Особых мнений на вопрос о датировке этих монет придерживаются советские нумизматы-византилисты, в частности, В.А. Анохин и И.В. Соколова. Если первый из них, основываясь только на прочтении монограммы «Рω», доказывает, что крупные бронзы этой группы выпускались при Романе III Аргире (1028–1034) и Романе IV Диогене (1069–1071) и еще несколько десятилетий после низложения последнего [12; 129], то его оппонент, учитывая результаты археологических исследований, датирует эти монеты концом XI–XIII вв. [13; 61-63]. Причем И.В. Соколова считает их анонимными. Она только предполагает, что в монограмме «Рω» могло быть зашифровано слово ῥωμαίων — «римлян». Не менее активно дискутируется вопрос о прочтении лигатуры, размещенной на реверсе одной из крупнейших их разновидностей (рис. 2,3). Так, В.А. Анохин, вслед Г.К.Е. Келлером, Б.В. Кене, А.В. Орешниковым и П.Ю. Сабатье [14; 10, IX, 32; 2] убежден, что в ней было зашифровано слово δεσπότης — «деспот» [14; 123]. Однако И.В. Соколова видит в ней монограмму династии Палеологов (рис. 2, 4-5) [13; 59]. Впрочем, исследователь допускает возможность расшифровки аббревиатур реверса и аверса бронз одной из крупнейших разновидностей как δεσπότης ῥωμαίων [13; 60]. Отметим, что большинство исследователей так и не выработало свою точку зрения по этим вопросам. Не меньше споров вызвали попытки объяснить наличие на оборотных сторонах части вариантов бронз с «Рω» креста на Голгофе. Ведь подобные изображения известны как на фоллисах IX–X вв., так и на крупных монетах с монограммой «κΒω» на лицевой стороне, датированных представителями различных нумизматических школ IX или XI вв. Отметим, что большинство нумизматов так и не высказали свои соображения по поводу трактовки элементов оформления редких разновидностей этих бронз, как то: с лилией (?) [13; 54], с буквой «Х» (по мнению И.В. Соколовой — с крестом [13; 62]) или с аббревиатурой «Рω» на реверсе* [13; 54; 14; 120–122]. И уже в последние годы вышла статья Г.И. Шаповалова, в которой автор доказывает, что монограмма «Рω» представляет собой не что иное, как «якорь-крест... прототип родового знака Рюриковичей» [15; 207].

Как видим, до сих пор единая атрибуция монет этой подгруппы так и не была выработана. Ни одна из гипотез их датировки не была признана большинством нумизматов-византинистов. Мало того, все выдвинутые теории не только противо-

* Причем если они и анализировались, то трактовались весьма неоднозначно. Так, И.В. Соколова предположила, что в Херсоне будто бы обращались три номинала бронз местной эмиссии, различаемых по графическим символам и по монограммам на реверсе. Не будем опровергать эту гипотезу, поскольку это уже сделал В.А. Анохин. Отметим только, что монетное дело Византии в IX–XI вв., которое, по мнению И.В. Соколовой, определяло как состав, так и принципы оформления денег херсонской эмиссии, не знало такого разнообразия номиналов разменной монеты.

речивы, но и были не единожды опровергнуты оппонентами* [16]; [17]; [18]. Получается, что, несмотря на почти двухвековое изучение, о монетах с «Рω» на аверсе нам до сих пор практически ничего не известно. В сложившейся ситуации мы не считаем нужным обосновывать или опровергать ту или иную гипотезу. Попробуем выработать и вынести на научное обсуждение наше видение этого вопроса.

Первым делом попытаемся определить количество разновидностей этих монет. Для этого попробуем выявить концептуальные параметры, позволяющие выделять эти вариации. Начнем с физических критериев. Так как монеты в Херсоне лили, то не стоит искать какую-либо закономерность во флуктуации их веса или диаметра, кроме очевидного факта уменьшения объема бронз последующих эмиссий по отношению к оригиналу в результате усыхания продуцируемых глиняных форм. Да и вообще не следует акцентировать внимание на таких параметрах, так как штампы в процессе использования выгорали. Нет нужды прослеживать и изменения в составе монетного сплава, так как сама технология денежного производства не могла обеспечить стабильность его состава. Как известно, в Херсоне деньги лили из свинцовой бронзы, основные компоненты которой имели разную температуру плавления. Естественно, что и застывали они не одновременно. В результате монеты, располагавшиеся ближе к входам литников формы, содержали больше меди, чем отлитые в иных ее частях. Так что при датировании херсонских бронз разных

* К сожалению, вопрос о технологии монетного литья в Херсоне так и не привлек к себе внимание широкого круга нумизматов-византинистов. Из небольшого числа работ, в которой затрагиваются отдельные его аспекты, стоит отметить только статью Л.И. Шершева [16; 38–53]. Трудно переоценить ее историческую ценность. Ведь она позволила применить многие достижения современной цивилизации и наработки исторической науки для освещения технологий средневековья. Однако в ней присутствуют и некоторые досадные неточности, объясняемые слабым знакомством с реалиями монетного производства. К примеру, спорна предложенная реконструкция литейных форм. Ведь предложенная автором схема расположения литников не позволяет отливать качественные монеты, зато приводит к значительным потерям металла. На приведенном Л.И. Шершовым рисунке [16; 44, 2] заметно, что литники с диаметром, значительно превышающим радиус монеты, не смогли пропустить к формам нужное количество расплава. Естественно, исследователь получил весьма плохие отливки. На некоторых из них даже не оттиснулись изображения и монограммы. Зато литники оказались наполненными застывшим металлом, выем которого, кстати, неминуемо бы их разрушил. Кроме того, часть монет пришлось бы юстировать. Считаем необходимым отметить, что заметные следы четырех крестообразно расположенных узких каналов, позволяющих быстро и равномерно наполнить углубления для отливки, хорошо просматриваются на большинстве бронз литья этого города. А последовательное соединение форм с помощью литников практиковалось исключительно для литья монетных заготовок малого диаметра. К примеру, эту технологию использовали в Боспорском царстве в III в. до н.э. [17; 210, 2]. Причем в этом случае каналы для подачи металла должны быть в сечении не менее $\frac{1}{2}$ радиуса отливки, формы для которых размещали как можно ближе друг к другу. Но вернемся к монетам с «Рω». Если бы их лили предложенным Л.И. Шершовым образом, то качество литья было бы безобразным, а формы сразу бы разрушались. Однако этого не происходило. Монетный двор Херсона выпускал качественные бронзы, многократно используя одни и те же штампы; да и умения городским литейщикам было не занимать. Обратим внимание на давно уже изданные литейные формы из Херсона [18; № 63, 178, 179). Заметно, что мастера могли изготавливать в них даже ажурные изделия. Причем высокое качество литья достигалось в основном продуманным расположением литников нужной конфигурации. Кроме того, формы не оттискивали с помощью глиняных штампов. Ведь последние неминуемо разрушались бы под воздействием влаги. Вернее всего, литейщики использовали для этой цели эталонные монеты, или, чаще всего, обычные ходячие деньги. Правда, формы часто подрезались. В ближайшем будущем мы опубликуем исследование по этому вопросу.

серий стоит учитывать только их средний вес и диаметр. Другое дело, что необходимо отыскивать штампы и монеты, изготовленные в неповрежденных формах, так как на них лучше всего сохраняются эталонные изображения и надписи. Ведь только их выявление поможет выделить вариации литых бронз Херсона.

В таком случае сконцентрируем внимание только на анализе оформления самих монет. Так как на их аверсе размещали только монограммы «Рω» разных начертаний*, то в качестве основного критерия для выделения разновидностей возьмем значительно более разнообразные вариации изображений и надписей на реверсе. Сразу же отметим, что в ходе развития монетного типа менялась и технология изготовления форм. Этот процесс хорошо прослеживается в результате графологического анализа легенд. Если надписи на бронзах части разновидностей были выполнены толстой четкой линией, то, судя по отливкам, формы для остальных изготавливали куда более небрежно. Нет нужды перечислять многочисленные отклонения в написании символов. Отметим только то, что штампы для аверса не только оттискивали эталонными матрицами, но и подрезали тонкими, неровными и небрежными линиями. В то же время монетчики старались сделать монограмму аверса как можно более рельефной, тщательно прорабатывая его форму. Штампы для реверса они готовили с меньшей скрупулезностью, вероятно, из-за того, что они все равно довольно быстро выгорали.

Но перейдем к классификации монетного материала. К настоящему времени выявлены следующие разновидности бронз этой группы:

1. AV: аббревиатура «Рω» первой разновидности,
RV: сложная лигатура** (рис. 1, 1–4);
2. На обеих сторонах аббревиатура «Рω» первого типа (рис. 1, 5);
3. AV: монограмма «Рω» первой или второй разновидности,
RV: крест на Голгофе (рис. 1, 6–7);
4. На обеих сторонах аббревиатура «Рω» второго типа (рис. 1, 8);
5. AV: монограмма «Рω» второго типа,
RV: без или с неразличимым изображением (рис. 1, 9, 11);
6. AV: аббревиатура «Рω» второй разновидности,
RV: буква «Х»*** (рис. 1, 10).

Заметим, что наша классификация не противоречит прослеживаемым закономерностям в эволюции технологии денежного производства. Ведь бронзы со сложной лигатурой на реверсе отливали в неглубоких, но рельефных формах. По мере их выгорания, в первую очередь используемых для формования оборотной стороны, изображения искажались, а толщина монетного кружка увеличивалась. Позже, по пока не понятным нам причинам, были задействованы штампы, известные на более ранних эмиссиях, хотя они были меньшего диаметра, чем монеты с аббревиатурой «Рω» на аверсе. Замеченная нами тенденция подтверждается и следующим фактом. Дело в том, что бронзы со сложной монограммой оказались слишком тон-

* Не считаем необходимым учитывать развороты буквы «Р» на 90°, так как подобные ошибки известны на почти всех разновидностях литых монет Херсона.

** Будем называть так аббревиатуру на реверсе этих монет до тех пор, пока не дадим ее прочтение.

*** Мы неслучайно перечислили разновидности монет с «Рω» в этом порядке. Да, он не соответствует утвердившимся представлениям о времени их выпуска. Но именно в такой последовательности эти монеты поступали в обращение. Мы попытаемся обосновать наше предположение в этой статье.

кими и рельефными, вследствие чего часто ломались*. Сменившие их монеты были толще, следовательно, прочнее, но примитивнее в оформлении. Однако на аверсе некоторых из них просматривается монограмма «Рω» первого типа. Следовательно, у нас нет оснований считать, что монеты, к примеру, с крестом на Голгофе могли быть выпущены ранее, чем бронзы со сложной монограммой на реверсе. И только позже, в результате разрушения первоначальных форм аверса, в ход пошли новые штампы, на которых была вырезана монограмма «Рω» второй разновидности. Однако для формования реверса продолжали использовать штампы с крестом на Голгофе.

Теперь попробуем разобрать сложную лигатуру. Сразу же отметим, что ни одна из общеизвестных теорий не в состоянии истолковать все ее элементы. К примеру, гипотеза, выдвинутая Г.К.Е. Келлером [2; 22, II, 20], построена на учете только двух, самых нижних ее символов, по мнению исследователя: «Δ» и «Π». Да, эти буквы — самые заметные. Однако в верхней части монограммы видны другие, и ни одна из них не похожа на «Ε», «Ο», «Τ», «Η» или «Σ». Следовательно, в рассматриваемой монограмме не могло быть зашифровано слово *δεσπότης*. То же самое можно сказать и о гипотезе И.В. Соколовой. Допустим, что в нижней части надписи не «Δ», а «Λ». Да, этот символ является частью монограммы Палеологов. Тогда пересечение его наклонной чертой создает букву «Α», также присутствующую в родовой монограмме этих династов. Правда, настораживает отсутствие в ней буквы «Γ», традиционно просматриваемой в аббревиатуре Палеологов. Кроме того, символ «Π» в нашей надписи размещен под, а не левее или правее предполагаемой «Α». Заметим также, что конфигурация рассматриваемой лигатуры весьма необычна. Подобные ей аббревиатуры на памятниках эпохи Палеологов не встречаются. Учтем и то, что гипотеза И.В. Соколовой не позволяет расшифровать символы в верхней ее части, которые, кстати, отсутствуют в монограммах последних василевсов Романии (рис. 2, 4–5). В рассматриваемой монограмме они не могут являться ни продольной перекладной «Γ», ни органическим продолжением правой гасты «Α». Заинтересовавшая нас лигатура значительно сложнее. Заметим также, что легенды монет этой разновидности не могут читаться в предложенном И.В. Соколовой порядке — сначала легенда реверса, а потом уже аверса, т.е. как *δεσπότης ρομαίων*. Ведь таких прецедентов монетное дело Византии не знает, что, кстати, признает и сама исследователь [13; 60].

Как видим, существующие на настоящий момент гипотезы не позволяют прочитать лигатуру на реверсах монет с «Рω» первой разновидности. Попытаемся расшифровать ее самостоятельно. Прежде всего, попробуем выделить буквы, из которых она состоит. Для этого рассмотрим все варианты ее написания. Заметим, что к настоящему времени выявлены монеты с тремя вариациями этой лигатуры. На монетах, изданных Г.К.Е. Келлером, Б. Кене, П.Ю. Сабатье и И.В. Соколовой, в ее верхней части просматривается сложное сочетание символов, один из которых, схожий с «X», образуется пересечением удлиненной правой гасты нижних букв и косой чертой, ограничивающей их сверху (рис. 1, 1–2). На бронзах, опубликованных А.В. Орешниковым и В.А. Анохиным (рис. 1, 3–4), просматривается несколько иная монограмма. Верхний ее элемент представляет собой овал (на некоторых монетах он схож с прямоугольником), соединенный линией с остальной частью

* Так как свинцовая бронза весьма непрочна, то значительная часть монет выпуска Херсона дошла до нас в обломках.

надписи. Под ним расположена косая черта (рис. 1, 3). Со временем лигатура еще более упростилась. Из нее выпала вторая косая черта (рис. 1, 4). Но следы присутствия этих линий остались. Вместо них на реверсах большинства монет заметны бугорки. Вернее всего, размещение относительно мелких букв в этой части формы способствовало ее быстрому разрушению, и монетные мастера были вынуждены убрать эти элементы надписи. Но верхний символ присутствует на всех известных подвидах. Его могли оставить, так как выемки, его образующие, не приводили к разрушению штампа. Судя по составляющим, этот символ может быть только буквой «Р». Пересекающиеся линии под ним образуют на монетах первой разновидности хорошо узнаваемый символ «Х»*. Ниже располагаются бесспорно определяемые буквы «Λ» и «Π». Заметим, что первая из них не может читаться как «Δ». Дело в том, что нижний символ надписи образуется в результате простого деления ее боковых гаск чертой, что не было свойственно херсонским бронзам с монограммой δεσπότης. Ведь в них вертикальные составляющие «Λ» и «Π» всегда пересекаются под хорошо заметным углом. Нас не должно смущать то, что правая гаска «Λ» немного искривлена. Вернее всего, мы видим результат погрешности изготовителя штампа, вынужденного оформлять его без линейки.

Итак, мы установили, что надпись состоит из букв «Λ», «Π», «Р» и «Х». Попробуем ее прочитать. Сразу же заметим, что монограммы «Π°Λ» и «Π°» известны на бронзах Херсона VIII–IX веков. Их принято расшифровывать как πόλις — «полис». Предполагаем, что и аббревиатура «ΠΛ» могла иметь то же значение. Если мы правы, то символы в верхней части надписи должны были входить в название города — центра эмиссии монет с «Ρω». Предполагаем, что буквосочетание «ΧΡ» можно расшифровать как Χερσῶνος. Если наша гипотеза верна, то эти бронзы лили в Херсоне**.

Попробуем проанализировать полученную информацию. Если мы правы, то на реверсе первой серии монет с «Ρω» была оттиснута надпись πόλις Χερσῶνος — «полис Херсон». Но подобное именование эмиссионных центров не было свойственно монетному делу Византии в X–XI веков. К тому времени с ее золота, серебра и меди исчезают буквенные метки монетных дворов, что, как принято считать, является одним из показателей высокой степени централизации государства. В таком случае нам остается только предполагать, что монеты с лигатурой πόλις Χερσῶνος могли быть выпущены в результате ослабления зависимости Херсона от Константинополя или поступили в обращение значительно позже, по крайней мере, не в XI веке.

Но не будем делать скоропалительные выводы. Ведь мы пока рассмотрели монограмму реверса только одной из множества серий монет с «Ρω». Обратим внимание на оставшиеся варианты. Заметно, что в ходе использования эти формы выгорали, а когда оригинальные штампы терялись или приходили в негодность, то на новых оттискивали менее сложные монограммы. Сначала, как мы уже писали,

* Отметим, что сочетание символов «Х» и «Р» на изучаемых монетах представляет собой хризму.

** Нас не должно удивлять то, что в лигатуре πόλις Χερσῶνος буквы из названия города меньше и не так хорошо заметны, как символы из слова πόλις. Дело в том, что обычно на реверсах монет Херсона размещали только первое слово этой аббревиатуры, считая это достаточным. Лишь в немногих случаях в монограммах реверса появлялся первый символ из названия города. К примеру, он известен на херсонских гемифоллисах Артавасда и Никифора, правивших в 742–743 гг. [19; 161–165].

из надписи выпали составляющие буквы «X»*. Иногда из-за небрежности литейщиков или в результате отсутствия работоспособной формы оборотной стороны в обращение поступали бракованные монеты, к примеру, с «Pω» на аверсе и на реверсе** (рис. 1, 5). Однако обратим внимание на более значимые изменения. Первым делом попытаемся объяснить замену предполагаемой монограммы $\rho\beta\lambda\zeta$ $\chi\epsilon\rho\sigma\omega\nu\omicron\varsigma$ на ординарный для монетного дела Херсона крест на Голгофе, приведшую к выпуску в обращение бронз третьей разновидности (рис. 1, 6-7). Заметим, что этот вопрос достаточно интересен, так как задействованный штамп был заметно меньшего диаметра, чем монетный кружок. Получается, что по каким-то причинам денежные мастера не разработали новую форму, не воспользовались эталонной матрицей, а оттиснули матрицу обычной ходячей монетой, причем с довольно нечетким оттиском. Вернее всего, этот штамп был сформован с бронзы с монограммой «KВω» на аверсе***. С нашей точки зрения, этот факт может свидетельствовать как о длительности временного промежутка, разделяющего позднейшую эмиссию Василия II Болгаробойцы (976–1025) и Константина VIII (1025–1028) и серий с «Pω», так и о спешке в проведении преобразований. Ведь если литейщики Херсона смогли наладить эмиссию тонких и сложнооформленных бронз первой разновидности, то мы могли бы ожидать от них чего-то более оригинального, чем использование штампа, сформованного с ходячей монеты значительно меньшего диаметра, причем не с лучшим оттиском. Мало того, судя по известным выпускам этой разновидности, со временем форма реверса выгорела, однако ее не подправляли и использовали вплоть до полного разрушения (рис. 1, 9, 11). Из-за этого изображение на оборотной стороне позднейших монет стало вовсе неразличимо****. Только единожды, да и то неудачно, литейщики попытались как-то его оформить. В результате этого в обращение поступили бронзы с буквой «X» на оборотной стороне (рис. 1, 10), которую, возможно, следует понимать как метку монетного двора. Однако нововведение не прижилось, и у позднейших монет с «Pω» реверс всегда без изображений (рис. 1, 11)***** [30].

Куда с большим вниманием монетчики заботились о штампе аверса. Его монограмму периодически подрезали. Четкая аббревиатура «Pω» просматривается и на позднейших сериях. Вероятно, в нее вкладывали какое-то особое значение. Иначе она не стала бы единственным элементом оформления аверса монет изучаемой группы.

* Предполагаем, что выпадение этой буквы из надписи не сочли существенным изменением текста. Возможно, символ «X» стали видеть в пересечении правой и левой гасты «Λ» и «P».

** Считаем нужным выделить эти монеты в отдельную разновидность, поскольку само их появление в обращении свидетельствует о важном этапе в истории эмиссии бронз этой группы — о начале отхода от первоначального стандарта.

*** Мы разделяем точку зрения В.А. Анохина по этому вопросу [12; 122-123].

**** В тот же период в обращение поступили монеты с монограммой «Pω» второй разновидности на обеих сторонах (рис. 1, 8). Но, судя по их исключительной редкости, эта эмиссия не была санкционирована властями, а являлась серией брака.

***** Не считаем возможным, вслед за И.В. Соколовой, выделить еще одну разновидность монет с «Pω» — с лилией на реверсе [13; 54, 1, 9). Но у нас нет оснований трактовать это изображение подобным образом. Ведь оно совершенно не схоже с цветком. Обратим внимание на непропорционально толстый «стебель» и на крайне невыразительный «бутон». Да и исключительная редкость этих монет не дает нам оснований выделить их в отдельную разновидность. Вернее всего, по небрежности мастера штамп реверса был сформован так, что от креста на Голгофе остались видны только опорная балка и следы перекладки.

Попытаемся дать объяснение этому явлению. Сразу же заметим, что мы не разделяем точку зрения В.А. Анохина и его предшественников по вопросу атрибуции монограммы «Рω». Ведь эмиссия монет этой группы продолжалась очень долго, так как в обращение поступило шесть их разновидностей. Учтем и физические критерии. В ходе эмиссии вес этих монет снизился с 8,5 до 2,2 г, а их диаметр уменьшился с 2,5 до 1,8 см. В то же время четко прослеживаемые взаимосвязи между разновидностями бронз с «Рω» убеждают в том, что их лили без видимых перерывов, что никак не укладывается в концепцию В.А. Анохина о выпуске их от имени Романа III Аргира и Романа IV Диогена. Да и не могли в Херсоне выпускать монету от имени непопулярных правителей, насильственно отстраненных от власти. Отметим, что в денежном деле Византии не известны и прецеденты посмертной эмиссии. Недоказуемо и предположение В.А. Анохина о периодическом даровании Херсону права на выпуск местных монет. Ведь документы, подтверждающие это, так и не найдены. Кроме того, в Византии к тому времени денежное производство было сконцентрировано исключительно в государственных мастерских. Судя по уже отмеченному нами факту исчезновения с денег этого государства обозначений монетных дворов, эмиссия к XI в. проводилась в столице. Считаем, что в Херсоне выпускали монету не вследствие гипотетических разрешений, а из-за того, что этот регион империи пользовался особым статусом — форпост на границе с северными народами, которых Византия опасалась и на которые по мере сил желала влиять. В то же время сама продолжительность использования монограммы «Рω» херсонскими монетариями не позволяет нам принять точку зрения И.В. Соколовой, считающей, что бронзы этой серии анонимны. Ведь в таком случае как объяснить сам факт столь длительного использования монограммы «Рω»? Она должна была быть понятной современникам.

Как видим, единственным средством для разрешения этой задачи является расшифровка монограммы «Рω». Определимся с вариантами ее прочтения. Для этого обратимся к исследованиям позднеантичных и средневековых грекоязычных письменных источников, в основном к составленным с использованием системы, разработанной Тироном — стенографом М. Туллия Цицерона [20]. Действительно, значок Ϸ часто встречается в таких текстах. Как правило, его использовали для обозначения слога «ωρ», находящегося в начале или в середине слова [21; 132; 22; 11]. Он известен на монетах и на иконах с изображением св. Георгия [23; 32, 398, № 59]. В любом случае, Ϸ проставляли только тогда, когда требовалось сократить запись слова, состоявшего по крайней мере не менее чем из трех букв. К примеру, им могли заменить Ϸρα — «свет, эпоха» [21; VI]. Однако мы рассматриваем несколько иную ситуацию. На аверсах изучаемых монет кроме расшифровываемой монограммы нет иных символов. Да и не могли херсонские монетчики оттиснуть на своих бронзах мало уместное слово Ϸρα.

Как видим, аббревиатуру Ϸ нельзя прочитать как «ωρ». Попытаемся найти иные, ранее не рассмотренные нами в этой статье случаи использования двухбуквенных монограмм. К примеру, они известны на монетах Херсона. На них встречаются аббревиатуры «Κω», «ΛΑ», «ΛΕ» и «ΜΒ». Отметим, что к настоящему времени они уже прочитаны. В первой, бесспорно, зашифровано имя Κωνσταντῖνος — «Константин»; эти бронзы следует относить к эмиссии Константина VII Багрянородного (913–959). Вторая и третья монограмма использовались при Льве VI Мудром (886–912). Причем если «ΛΑ» (Λέων Ἀλέξανδρος) представляла собой инициалы братьев-соправителей, то в «ΛΕ» были зашифрованы слова Λέων εὐσεβῆς — «Лев

благочестивый». Последнюю монограмму из этого ряда — «МВ» следует читать как Μιχαῆλ βασιλεὺς — «Михаил василевс» [12;114], ее отгискивали на бронзах Михаила III.

Как видим, в монетном деле Херсона существовали определенные правила размещения символов в двухбуквенных монограммах. Если требовалось зашифровать два слова, то буквы размещали в строку, а если желали просто заполнить монетное поле двумя символами, то их размещали в столбец. Получается, что в Ϛ или ϛ следует читать как «Рω».

Пока мы не входим в противоречие с практически общепринятой точкой зрения на прочтение этой монограммы. Но что за имя могло быть в ней зашифровано? Если следовать прослеженной тенденции, то только Романа. Но заметим, что монеты с «Рω» описанных нами разновидностей не могли быть выпущены при Романе I Лакапине, так как использованные для их формования штампы, к примеру, с ϙόλις Χερσῶνος, не были задействованы в эмиссии бронз Константина VII и его соправителей. Их не лили и при Романе II Младшем (959–963), так как его херсонские фоллисы были оформлены в ином стиле. У нас нет оснований и для отнесения этих монет к эмиссиям Романа III Аргира, т.к. при нем продолжалось литье ординарных для Херсона фоллисов с крестовидными монограммами [24;137–144]. Да и прослеживаемая длительность обращения не позволяет ограничить период их производства правлением какого-либо из императоров XI века. Кроме того, если верно наше прочтение аббревиатуры на монете первой разновидности, то эмиссия бронз этой группы могла начаться только в момент ослабления влияния Константинополя.

Как видим, все проанализированные нами факторы позволили только определить последовательность эмиссии бронз этой группы и опровергнуть известные гипотезы их атрибуции. Задействуем пока еще не привлеченные нами физические характеристики. Обратим внимание на то, что крупнейшие монеты изучаемой группы, как мы установили — образцы для последующих эмиссий, крупнее и тяжелее херсоно-византийских фоллисов IX–XI вв. Изготовлены они были в иной технологии. Как уже было отмечено, их отливали в неглубоких, но отлично продуманных и проработанных формах большего диаметра, чем было принято для предыдущих выпусков. Но самое главное — кардинально изменился принцип оформления. На реверсе монет первой разновидности нет креста на Голгофе, зато появилась монограмма ϙόλις Χερσῶνος, причем новой, ранее не используемой конфигурации. Все это позволяет нам предполагать, что выпуск их в обращение ознаменовал переход к эмиссии бронз иного номинала, т.е. не фоллиса. А если сопоставить это явление с реалиями монетного дела Византии X–XI вв., то у нас есть все основания считать бронзы с «Рω» на аверсе и с ϙόλις Χερσῶνος на реверсе т.н. «анонимными фоллисами». Но в таком случае практически обязательным элементом их оформления должны были стать изображения Иисуса Христа или Богородицы. Ведь они присутствуют на большинстве их разновидностей столичного чекана. С учетом специфики монетного дела Херсона можно было бы ожидать появления на его бронзах не портретов, а монограмм этих святых патронов. Однако на сериях этого города такие символы до сих пор не выявлены.

Попытаемся разрешить эту проблему. Для этого обратимся к монетному делу Византии. Действительно, на «анонимных фоллисах» константинопольской чеканки изображали, как правило, только Иисуса Христа и Богородицу. Но в слабо зависящих от столицы провинциальных центрах переходили к эмиссии собственных

денег, обязательными элементами оформления которых являлись изображения патронов местных правителей, а также святых, почитаемых в этих регионах. К примеру, севаст и дука Халдии Феодор Гавра уже при Алексее I Комнине (1081–1118) наладил в Трапезунде эмиссию «анонимных фоллисов» с портретами св. Феодора Стратилата или св. Димитрия на аверсе [25; 64–65]. Выпуск местных денег продолжил и его преемник Константин Гавра. Медные монеты этих династов выпускались по типу «анонимных фоллисов» даже после денежной реформы 1092 г. [26; 27; 28; 29; 30; 31; 32]. Та же тенденция прослеживается в монетных эмиссиях греческих государств, возникших в XII–XIII веках. К примеру, кипрский узурпатор Исаак Комнин (1184–1191) приказал выбивать на своих монетах изображение св. Георгия [33; IV, I, 354–364; 23; 402–403, № 1991; 34; 12–14, 1–7]. При эпирском деспоте Михаиле I Ангеле Комнине Дуке (1205–1212) на реверсе золота и меди появился архангел Михаил [23; 436, № 2227]. Эту традицию сохранили его наследники — императоры Фессалоники (1222–1244). На их серебре, биллоне и бронзах оттискивали или изображение патрона основателя династии — арх. Михаила, или портрет покровителя Фессалоники — св. Димитрия Солунского [23; 428–436; 35; 193–202, XXVI–XXVII], а также св. Равноапостольного Константина (306–337) [23; 438, 2230]. Вернее всего, его появление можно объяснить как призыв к верности новых подданных династии западно-греческих правителей, боровшихся за восстановление Византии. Самый показательный пример выработки новых стандартов оформления монет дает денежное дело Великих Комнинов. На серебре и бронзе их чекана обязательно присутствует изображение патрона Трапезунда — св. Евгения [35; 230–310, XXXII–XLII]. Те же тенденции прослеживаются в эмиссиях василевсов Никеи. На их золоте, серебре и меди кроме портретов Иисуса Христа и Богородицы выбивали изображения арх. Михаила, ап. Петра, св. Димитрия Солунского, св. Георгия, св. Равноапостольного Константина, св. Николая Мирликийского, св. Трифона и св. Феодора [23; 416–430; 35; 204–225, XXVIII–XXXI], т.е. патронов как отдельных представителей правящего дома Комнинов Ласкарисов Дук Ватацев, так и покровителей городов — центров денежного производства. Интересно и то, что на их монетах чекана Фессалоники остались арх. Михаил и св. Димитрий Солунский [23; 423, 426, № 2121, 2128–2132, 2147]. В связи с этим мы можем трактовать изображения Иисуса Христа и Богородицы на «анонимных фоллисах» константинопольского чекана как дань уважения патронам империи, ее столицы, а также как царствующих василевсов.

Как видим, тенденция расширения круга святых покровителей, впервые проявившаяся на монетах дук Халдии, завершилась к началу XII в. выработкой новых принципов оформления денег. С этого времени на золоте, серебре или меди стали помещать не только изображения патронов государства и отдельных династий, но и местных святых. С нашей точки зрения, эти преобразования говорят не столько о развитии локальных культов, сколько об обособлении провинций некогда единой империи. Ведь появление на монете святого покровителя могущественного местного правителя или патрона отдельного региона нельзя трактовать иначе, как претензию на автономию. Но не это самое главное. Важно то, что даже после установления контроля центрального правительства над временно отпавшей территорией на монетах ее чекана оставались все те же изображения местных или особо почитаемых святых. Лучше всего это заметно в денежном деле Фессалоники, с бронз которой и при императорах Никеи не исчезли арх. Михаил и св. Димитрий Солунский.

Вернемся к рассматриваемой группе херсонских бронз. Как мы уже установили, монограмму на их аверсе можно читать только как Ρωμανός . В то же время аббревиатура реверса не дает нам никаких оснований отождествлять этого Романа с каким-либо византийским императором. Да и физические параметры этих монет позволяют их отнести к т.н. «анонимным фоллисам». В таком случае мы можем предполагать, что на их аверсе могла быть размещена монограмма местного патрона — св. Романа, а сам факт выпуска их в обращение свидетельствует о временном ослаблении влияния Константинополя.

Мы отдаем себе отчет в том, что о культе св. Романа в Херсоне современной науке практически ничего не известно. Но ведь изучение церковной истории этого города только начинается, а большинство его культовых памятников все еще не атрибутированы. Да и известны факты, говорящие о наличии в Херсоне культа этого святого. Например, первые русские святые Борис и Глеб получили при крещении имена Роман и Давид*.

Но оставим на будущее прояснение этого вопроса. Вернемся к монетному материалу. Попробуем датировать эмиссию монет с « Ρω ». Как мы уже установили, их выпуск начался вслед за прекращением литья крупных бронз с « κΒω ». Они не могли быть одновременны позднейшей серии фоллисов, отлитых при Романе III Аргире. Кроме того, сама монограмма, размещенная на реверсе их первой разновидности, настоятельно требует отнесения их эмиссии к какому-то периоду в городской жизни, во время которого Херсон мог добиться самостоятельности.

К сожалению, история Таврики в XI в. все еще не изучена в должной мере. Однако до нашего времени дошли свидетельства летописцев о волнении в Херсоне во второй половине XI века. Возможно, в результате одного из этих восстаний Херсон стал автономным, вследствие чего в городское обращение поступили бронзы с монограммой имени городского святого на аверсе и с лигатурой ρόλις Χερσώνος на реверсе. Или, что вероятнее, город воспользовался временным ослаблением империи после Манцикерта. Но в любом случае только важнейшие изменения в статусе города могли привести к столь кардинальным преобразованиям в его монетном деле. Кстати, наше предположение о начале эмиссии монет с « Ρω » в третьей четверти XI в. подтверждается и археологическими данными [13; 60-61]. У нас есть все основания отнести выпуск первой их разновидности к 1070 гг., так как василевсы, правившие с начала века, выпускали значительно более тяжелые «анонимные фоллисы». Предполагаем, что в те годы в городское обращение поступили первые две разновидности монет с « Ρω ». К 1080 гг. влияние Константинополя на Херсон восстановилось, и он опять стал северным форпостом Византии. Вследствие этого городские монетки заменили монограмму ρόλις Χερσώνος на ординарный крест на Голгофе. А так как эталоны, использованные при литье последних серий с такой эмблемой, т.е. бронз с « κΒω », не сохранились, то мастера были вынуждены использовать для формования штампов реверса обычные монеты, к тому времени уже значительно изношенные из-за длительного нахождения в обращении. Однако монограмму почитаемого святого на аверсе все же оставили. Постепенно вес «анонимных фоллисов» с « Ρω » падал, а изображения искажались. В результате разрушения штампов с реверса исчез крест на Голгофе. В то же время

* По мнению К.К. Акентьева (переписка), это был св. мученик Роман Диакон (день памяти 18 ноября по церковному стилю), пострадавший в Антиохии при Диоклетиане.

все еще значительный диаметр этих монет создавал сложности при выемке из формы. Монетчики были вынуждены выбивать их. Вследствие этого часть экземпляров этих бронз была погнута.

Эмиссия монет этой группы, судя по обилию разновидностей и флуктуации в весе, могла продолжаться еще довольно долго. По крайней мере, их встречаются в слоях, в которых выпали византийские и трапезундские монеты XII–XIII вв., т.н. «медные дирхемы»* Сельчуков** Рума и других мусульманских правителей Малой Азии, золотоордынские медь и серебро XIII–XIV вв. Находят их и в массовых захоронениях рубежа XIII–XIV вв., а также в слоях пожара кон. XIV в. [36; 56-58, 168; 37; 124, 188; 38; 38–39; 39; 526-531]. В связи с этим заметим, что позднейшие серии бронз Херсона не являлись подражаниями меди исламских государств. И дело даже не в том, что т.н. «анонимные фоллисы», к которым относятся и монеты с «Pω», стали выпускать в Византии еще в конце X в., то есть тогда, когда лидеры Сельчуков и не помышляли о лакабе *السلطان المعظم* — «султан великий». Проблема в том, что почти все серии крупной меди тюркских правителей Малой Азии являлись подражаниями монетам более развитых государств, в.ч. и Византии. Дело в том, что тюрки не считали недопустимым помещать на деньгах свои изображения. Так, на крупнейших бронзах Сельчуков Рума со времен Изз ед-Дина Килич-Арслана II бен Мас'уда (1156–1188) появилось самобытное изображение конного правителя [40; III, 49, № 93–95; 41; IX, 282, № 107a, XV]. При Рукн ед-Дине Сулеймане II бен Килич-Арслане (1199–1203) его поместили и на серебро [41; 51, № 103, III]. На монетах представителей младших линий династии, в частности, Сельчукидов из Ерзена: Мугиз ед-Дина Тогрул шаха (1201–1225) и Рукн ед-Дина Джахан шаха (1225–1230) также известны конные и сидящие на престоле правители [41; 112, № 301–305, VI]. Однако уже на бронзах Сальдука ибн'Али (1145–1174) можно увидеть св. Георгия и крест [41; 113, № 306-309, VI]. А крупная медь Артукидов [41], Ильдегизов, Бектегинидов, Зенгидов и царей Ахара вовсе представляла собой группу своеобразных подражаний золоту, серебру и меди Рима, Селевкидов, а также эллинистических и восточнохристианских государств [40; III, 118–240, 251, VI–XII; 41; I X, 296–297, 310a, 314f, XVI; 43; 44]. На их меди появились Иисус Христос, Богородица с младенцем, христианские святые, византийские императоры, эллинистические цари, двуглавые орлы, знаки гороскопа и др. изображения, не типичные для исламского чекана. Но чаще всего копировали т.н. «анонимные фоллисы», составляющие значительную часть денежной массы этих государств [45; 46; 58–96–99; 47; 74–81, XXI–XXIV]. Весьма примечательны

* Ни на одной медной монете исламских правителей Передней Азии XI–XIII вв. нет слова *درهم* — «дирхем». А из надписей можно узнать только то, что их законодательно приравнивали к «серебру».

** Считаю необходимым отметить, что утвердившееся в русскоязычной историографии название этой династии — «Сельджуки» не совсем корректно. Дело в том, что турецкие источники именуют как этих кочевников, так и их предводителей *سلاجقلى* — «Сельчуками». Проблема в том, что в арабском нет звука «ч». В письме его обычно передавали буквой *ج* — «дж». Но в тюркских языках он есть. Специальный символ для обозначения этого звука — *چ*, был разработан еще Джелаль ед-Дином ар-Руми (1207–1273) — основателем ордена дервишей Маулавийа и создателем турецкого арабографического алфавита. Этот символ сразу же стал активно использоваться. К примеру, он есть во всех надписях, содержащих название столицы Крымского ханства *باغچه سراي* — «Бахчисарай». Считаю своим долгом предложить ориенталистам учитывать эту языковую специфику.

и печати тюркских правителей. Как правило, они представляли собой подражания византийским буллам и монетам [48; 533–593; 49; 149–150]. Правда, чаще всего размещенным на них изображениям придавали иной смысл. По крайней мере, монетные легенды прославляли новых владык Востока. Предполагаем, что тюрки заимствовали эти изображения исключительно из стремления воспользоваться достижениями покоренных ими народов. Их лидеры не видели ничего зазорного в размещении на деньгах невиданного конгломерата изображений, причем не только разновременных, но и вовсе недопустимых для чекана исламского государства.

Однако этим монетам, в свою очередь, подражали и в христианских странах. Известны серии «медных дирхемов» чекана Грузии и Киликийской Армении. Но на этих монетах обязательно присутствуют арабские надписи [50; 78, 81; 51; 6–7; 52; 108–109; 53; 76–82, 91, 94; 54; 15, 58, 60, 64; 55; 35–36, 55–57, 85, 90]. Само их наличие свидетельствует о зависимости их правителей от исламских государей. Заметим, что ни на одной разновидности монет Херсона арабские надписи не выявлены. Следовательно, у нас нет никаких оснований объявлять ту или иную группу бронз литья этого города подражаниями «медным дирхемам». В первую очередь это касается монет с монограммой «Рω», эмиссия которых началась, в любом случае, до становления султаната Сельчуков Рума. Отметим и то, что отсутствие арабоязычных надписей на бронзах Херсона опровергает гипотезу о его зависимости в какой бы то ни было период истории от какого-либо исламского государства. Кроме того, монеты с «Рω» продолжали ходить даже тогда [13; 60–61], когда переднеазиатские «медные дирхемы» уже выпали из обращения, вытесненные серебром и медью хулагуидского чекана [56; 19].

Однако вернемся к «анонимным фоллисам» с монограммой «Рω». Если наши рассуждения верны, то бронзы первой разновидности могли поступить в обращение в 1070–1080 годах. В последние годы их эмиссии были отлиты бракованные монеты с монограммами «Рω» на аверсе и реверсе. При Алексее I Комнине были выпущены первые монеты третьей разновидности. В результате разрушения форм в обращение поступали монеты с упрощенным оформлением или просто бракованные, т.е. четвертой и пятой разновидности. Предполагаем, что их производство в Херсоне продолжалось до тех пор, пока он был крупным ремесленным и торговым центром. А таковым он оставался, по крайней мере, до конца XIV в. [36]; [37]; [38]; [39]. И, так как на территории Херсона редки находки привозных монет XIII–XIV вв., то у нас есть все основания считать, что его жители продолжали использовать в тот период бронзы последней городской эмиссии, т.е. «анонимные фоллисы» с «Рω». Вернее всего, именно они и составляли основную часть платежной массы, обращавшейся в Херсоне в тот период. А редкие бронзы с «X» на реверсе, отнесенные нами к шестой разновидности, стоит признать пробным выпуском. Но сам факт наличия вариаций и обилия серий этих бронз говорит о том, что монетный двор Херсона веками выпускал свою, столь востребованную городом продукцию. Мы уверены, что бронзы с «Рω» пригодны для датирования слоев конца XI–XIV веков.

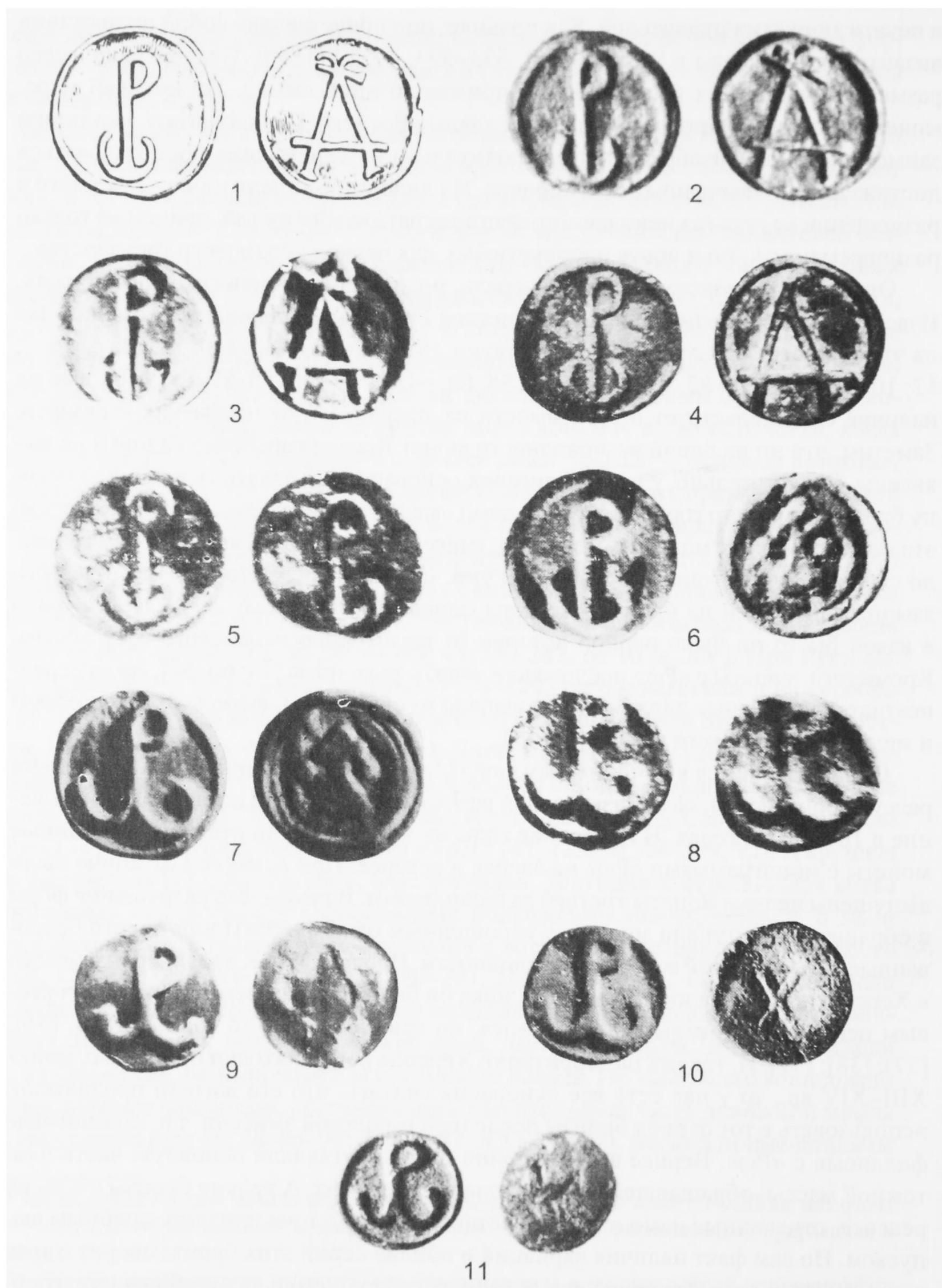

Рис. 1. Монеты с монограммой «PΩ» эмиссии кон. XI–XIV вв.

1–4 — первой разновидности: 1 — по П.Ю. Сабатье, 2 — по И.В. Соколовой, 3–4 — по В.А. Анохину. На реверсе прослеживается упрощение лигатуры; 5 — второй разновидности; 6, 7 — третьей разновидности; 8 — четвертой разновидности; 9 — монета пятой разновидности с неотчетливым оттиском креста на реверсе, принятым И.В. Соколовой за лилию; 10 — шестой разновидности; 11 — пятой разновидности

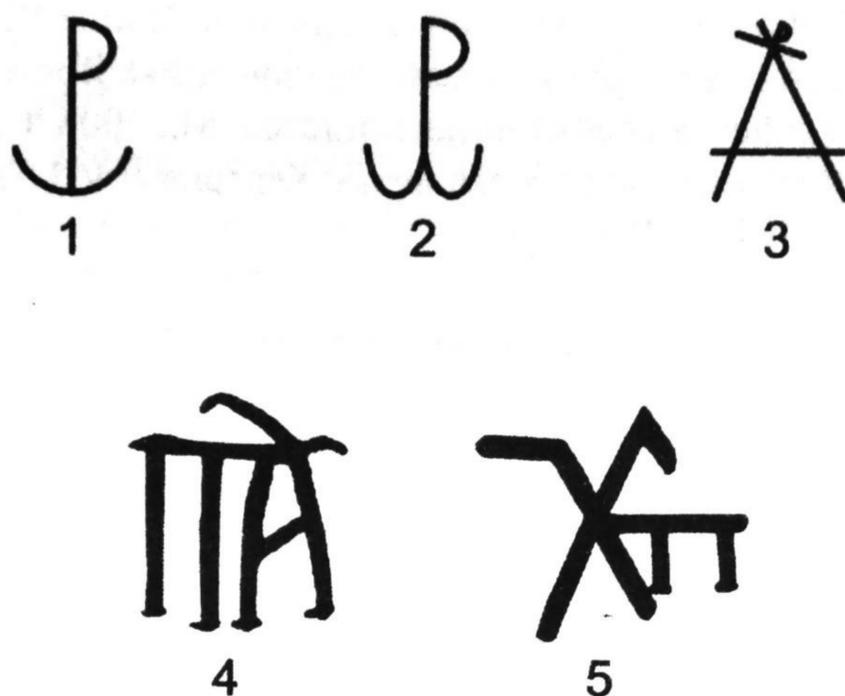

Рис. 2. Монограммы

1 — монограмма имени 'Ρωμανός первой разновидности; 2 — второй разновидности; 3 — первоначальное написание лигатуры πόλις Χερσῶνος на монетах первой разновидности; 4–5 — монограммы Палеологов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах // Историческое наследие. М., 1999. Т. 27.
2. [Köhler H.K.E.] H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Herausgegeben L. Stephani // Serapis. St. Pb., 1850. Th. I. B. I.
3. Murzakewicz, N. Descriptio Musei Publici Odessani. Pars I. Continens Numophylacium Odessanum. Odessae. 1841.
4. Sabatier, J. Description générale des monnaies Byzantines frapées sous les empereurs l'Orient depuis Arcadius jusqu'à la prise de Constantinople, par Mahomet II. P., 1862. T.II.
5. Sabatier, J. Description générale des monnaies Byzantines frapées sous les empereurs l'Orient depuis Arcadius jusqu'à la prise de Constantinople, par Mahomet II. P., 1862. T.I.
6. Кене Б.В. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. СПб., 1848.
7. Кене Б.В. Описание музеума князя В.В. Кочубея. СПб., 1857. Т. I.
8. Орешников А. Херсоно-византийские монеты. (Дополнение) // НС. М., 1911. Т. 1.
9. Орешников А. Херсоно-византийская монета Романа I // НС. М., 1911. Т. 1.
10. Grierson, P. Byzantine Coins. L., 1982.
11. Wroth, W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908. Vol. II.
12. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.—XII в. н.э.). Киев, 1977.
13. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
14. Орешников А. Херсоно-византийские монеты // Оттиск из III тома ТМНО. М., 1905.
15. Шаповалов Г.И. О символе «якорь-крест» и значении знака Рюриковичей // ВВ. М., 1997. Т. 57.
16. Шерешев Л.И. О технике изготовления в средневековом Херсонесе монет типа «Pω» // Византия и ее провинции. АДСВ. Свердловск, 1982. С. 38–53.
17. Шелов Д.Б. Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. М., 1960. Т. 1.
18. Яacobсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. М.; Л., 1959. № 63.

19. Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской сессии византистов. М., 2008. С. 161–165.
20. Чореф М.М. Новый тип монетного литья Херсона // VII Таврические научные чтения. Симферополь, 2007. С. 137–144.
21. Корр, U.F. *Palaeographia critica*. Mannheimii, 1817. Vol. I.
22. Церетели Г. Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. СПб. 1896.
23. Церетели Г. Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. Таблицы. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1904.
24. Sear, D.R., Bendall, S., O'Hara, M.D. *Byzantine coins and their values*. L., 1987.
25. Bryer, A., Dunn, A., Nesbitt, J.W. Theodore Gabras, duke of Chaldia (+1098) and the Gabrades: portraits, sites and seals // *Βυζάντιο, κράτος και κοινωνία. Μνήμη Νίκου Οικονομίδης*. Athenai, 2003.
26. Гурулева В.В. Монеты Трапезунда конца XI–начала XIII в. в собрании Государственного Эрмитажа // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 233–235.
27. Bendall, S. The mint of Trebizond under Alexios I and the Gabras // *NC*. L., 1977. 7th Series. T. XVII. P. 126–136.
28. Bendall, S. Some Further Notes on the Mint of Trebizond under Alexios I // *NC*. L., 1979. 7th Series. T. XIX.
29. Bendall, S. A Folles of Alexius I of Trebizond // *NC*. L., 1981. T. LXXXIX. № 7–8.
30. Hendy, M.F. *Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300–1450*. Cambridge, 1985.
31. Hendy, W. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Washington, 1999. Vol. IV. Part.1.
32. Γεωργιάδης Ν. Τα νομίσματα του αγίου Θεοδώρου Γαβρά // *ΑΡ*. 2002. Τ. 49.
33. Λεβενιώτης Γ.Α. Η πολιτική κατάρρευση του βυζαντίου στην Ανατολή. Το Ανατολικό σύνορο και η κεντρική Μικρά Ασία κατά το Β' ήμισυ του 11^{ου} αι. Θεσσαλονίκη, 2007.
34. Lambros, P. *Monnaies inedites du royaume de Chypre au Moyen Age*. Athènes, 1876.
35. Wroth, W. *Catalogue of the Coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards and the empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum*. L., 1911.
36. Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986.
37. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
38. Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.
39. Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Истории. Проблемы. Ч. 2. Византийский период. Екатеринбург, 2007.
40. Lane Poole S. *Catalogue of Oriental Coins in the British Museum*. L., 1877. Vol. III.
41. Lane Poole S. *Catalogue of Oriental Coins in the British Museum*. L., 1889. Vol. IX. P. 282. № 107a. Pl. XV;
42. Шагурина Г.Б. Происхождение некоторых изображений на монетах Артукидов // *Материалы и исследования Отдела Нумизматики*. СПб., 2005. С. 71–78.
43. Lane Poole S. *Coins of the Urtuki Turkumans*. L., 1875.
44. احمد توحيد. مسكوكت قديمه اسلاميه قتلوغي. قسم
لوحه ٤-١; غالب ادهم مسكوكت اسلاميه. قسمندن. مسكوكت تركانيه قتلوغي.
رابع. قسطنطينيه, ١٣٢١. س. ١٠٢-٩٧
قسطنطينيه, ١٣١١. س. ٣-١٦٧, لوحه ٨-١.

45. Lowick, N.M., Bendall S., Whitting P.D. The Mardin hoard. Islamic countermarks on Byzantine follies. L., 1977.
46. Столярик Е.С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в поздне римское и византийское время (конец III–начало XIII в. Киев, 1992.
47. Arslan, E.A. Catalogo della monete bizantine del Museo Provinciale di Catanzaro. Catanzaro, 2000.
48. Heidemann, S., Sode, C. Cristlich-orientalische Bleisiegel im Orientalischen Münzkabinett Jena // ARAM, 11–12 (1999–2000). P. 533–593.
49. Seal in Arabic of Al-Hasan ibn Gabras // Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg museum of art / Ed. E.McGeer, J.Nesbitt, N.Oikonomides. Washington, 2005. Vol. 5. The East (continued), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings.
50. Быков А.А. Грузинские монеты XII–XIII вв. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.
51. Гамалов-Чураев С.А. Классификация рубенидских монет (по К. Сибильяну). Пг., 1923.
52. Гусейнов Р.А. Из истории денежного обращения в Передней Азии в XI–XII вв. // НЭ. М., 1971. Т. IX.
53. Пахомов Е.А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970.
54. Cordington, O. A. Manual of Musalman Numismatics // Asiatic Society Monographs. L., 1904. Vol. VII.
55. Langlois, V. Numismatique Générale de l'Arménie // Bibliothèque Historique Arménienne croix des principaux historiens Arméniens. P., 1859.
56. Ender, C. Karesi, Saruhan, Aydın ve Menteşe beylikleri paraları // Ender Nümismatik Yayınları. İstanbul, 2000. № 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века
ВВ	— Византийский временник
МАИАСК	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
НС	— Нумизматический сборник
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ТМНО	— Труды Московского Нумизматического Общества
АР	— Ἀρχαῖον Πόντου
НС	— Numismatic Circular